

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МНЕНИЕ ИСТОРИКА:
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Казанский поход 1506 г.

Посольские книги XVI–XVII вв.

Артамон Матвеев и Богдан Хмельницкий

Русский подьячий в Швеции и Дании

Британское влияние в Александровской России

Россия и курды в Восточной войне

Создание жандармских учреждений на Кавказе

Как на Кавказе упраздняли наместничество

Российское радио в 1917 г.

Внешний мир и советское общество в 1920-е гг.

МОСКВА
НАУКА

3
май
июнь
2018

Россия на пути модернизации

Сергей Мироненко

Russia on the road to modernization

Sergey Mironenko

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.7868/S086956871801003X

Кто жил в горбачёвское время, помнит слова Михаила Сергеевича о необратимости перестройки. И чем чаще Горбачёв повторял, что «перестройка необратима», тем сильнее, во всяком случае, для меня, эти его слова казались заклинанием человека, боявшегося как раз обратного и убеждавшего самого себя в правильности выбранного пути. Действительно, каждый раз, когда в истории России начиналось коренное переустройство страны, опасность возврата к прошлому оказывалась жестокой реальностью. После реформ следовал период контрреформ, либеральный курс сменялся «завинчиванием гаек», усилением реакции. Страна как-то не могла, не решалась встать на путь коренных перемен, хотя, казалось бы, осознавала их необходимость и даже неизбежность. После Великих реформ 1860–1870-х гг. наступила реакция и контрреформы. После столыпинских преобразований 1900–1910-х гг. и Февральской революции 1917 г., казалось бы, навечно уничтожившей самодержавие, наступил период большевистской диктатуры, когда после сплошной коллективизации крестьяне оказались в такой зависимости от государства, которого не знала русская деревня в самые дремучие века крепостничества. Какая же сила препятствовала поступательному развитию страны, раз за разом мешая реализовать давно уже назревшие преобразования? В чём причина неудач российских реформаторов?

Отечественная историческая наука многое сделала, выясняя конкретные обстоятельства, препятствовавшие преобразованиям в разные времена и при различных политических режимах¹. Анализ попыток реформирования страны за последние три столетия даёт возможность выявить общие закономерности мучительного движения России по пути прогресса.

Переломным периодом в истории России в Новое время принято считать рубеж XVII и XVIII вв. Ещё при царе Алексее Михайловиче Россия стала всё чаще приглядываться к Западу, то пытаясь реформировать армию по западному образцу («полки иноземного строя»), то робко перенимая культурные новшества (первая театральная постановка – Артаксерксово действие – состоялась при дворе «Тишайшего»). В том же направлении пыталась двигаться и царевна Софья вместе с кн. В.В. Голицыным. Конечно, и до этого времени существовали связи с Европой (достаточно вспомнить, что символ России – Московский Кремль – построен итальянцами). Но именно тогда Запад начал становиться для России всё более привлекательным. Однако только Пётр I, по выражению

© 2018 г. С.В. Мироненко

¹ См., например: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

А.С. Пушкина, поднявший Россию «уздой железной... на дыбы», решительно и бесповоротно повернул страну лицом к Западу. «Необходимость движения на новый путь, — писал С.М. Соловьёв, — была осознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»².

Бритые боярские бороды, иноземное платье вместо традиционного русского, курение табака, ассамблеи — всё это привычные внешние приметы петровских реформ. Коренное преобразование системы управления, введение по шведскому примеру коллегий вместо приказов, новое территориальное деление страны дают основание считать Петра I великим преобразователем России. Зарубежные поездки молодого царя, где он ощутил преимущества западной цивилизации, давали ему и его окружению пищу для сравнений и размышлений. Посылка сотен молодых людей учиться за границу, приглашение иностранцев в Россию для строительства флота, организация регулярной армии, возведение новой столицы и прочие западные новации Петра Алексеевича явственно обозначили вектор развития страны. Всё это хорошо известно. С.М. Соловьёв даже назвал Петра «революционером на троне». Но был ли он им в точном понимании этого слова? Ответ на этот вопрос совершенно ясен — нет, не был. Ничем не ограниченное самодержавие и крепостное право не только сохранились в неизменном виде, но и были доведены до апогея. Идея превращения России в империю для своей реализации требовала всё новых и новых территориальных приобретений и выхода к морям. Чтобы «прорубить окно в Европу», нужно было создать регулярную армию и флот, затратив для этого немалые средства. Где было их взять? Казна оказалась пуста, а получать иностранные кредиты тогда ещё не научились, да и не имели такой возможности. Средства для удовлетворения своих имперских амбиций Пётр I мог получить только нещадным ограблением собственного народа. Введением подушной подати государь завершил закрепощение крестьян, а для выколачивания из них денег создал огромный бюрократический аппарат принуждения, получивший в науке название «полицейское государство». О том, что петровские реформы лишь усугубили патриархальные принципы построения Российского государства, ещё в 1989 г. очень точно написал Е.В. Анисимов: «Вся революционность Петра имела, как ни парадоксально это звучит, достаточно отчётливый консервативный характер. Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью. Речь идёт об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьёзным тормозом в процессе развития средневекового по своей сути общества, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ»³.

Почему же первому российскому императору удалось его преобразования? Не в том ли дело, что проведённые им реформы не затронули основ старого строя? Уверен, что именно поэтому он осуществил многое из задуманного.

Дело Петра I, в той или иной мере, продолжили его наследники и главным образом Екатерина Великая, усилиями которой Россия вошла в круг европейских держав, став полноправным участником мировой политики. С течением

² Соловьёв С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990. С. 451.

³ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 13–14.

времени западное влияние становилось всё более ощутимым. И не только потому, что французский язык «отделил» господ от простого люда, а влияние западной культуры (литературы, архитектуры, живописи, научных достижений) оказалось всепроникающим, главное — это перенесённые на русскую почву идеи великой французской философии, благодаря которой XVIII столетие стали называть «веком Просвещения». В результате одни россияне искали в западноевропейском устройстве образцы для подражания, другие постепенно обретали зримого врага, стремившегося, по их мнению, разрушить самобытность вековых устоев русской жизни. Конечно, основная масса дворянства оставалась косной и приверженной идеалам старины (это касалось всех слоёв тогдашнего образованного российского общества). Но всё-таки со временем тенденция брать западные страны за образец при проведении реформ в России становилась всё более очевидной.

Екатерина II переписывалась с Вольтером и Д. Дидро. Последний собственноручно скопировал свои основные произведения, затем с почтением отослал их «Северной Авроре» и даже несколько месяцев по приглашению императрицы прожил в Санкт-Петербурге. В 1767 г. для выработки нового свода законов (Соборное уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича безнадежно устарело) была создана Уложенная комиссия. По образцу Земских соборов XVII в. члены комиссии избирались от различных сословий, а не назначались властью. Екатерина в своём «Наказе» Уложенной комиссии старалась «не ударить в грязь лицом» и предстать перед всем миром «философом на троне». «Наказ», по сути, оказался компиляцией представлений просветителей об устройстве государства, почерпнутых Екатериной, главным образом, из сочинения Ш.Л. де Монтескьё «О духе законов», названного ею «молитвенником монархов со здравым смыслом».

В современной историографии «Наказ» считается манифестом «просвещённого абсолютизма». Екатерина II, очевидно, даже не задумывалась об ограничении самодержавной власти. Она не видела иного образа правления для России и утверждала, что только самодержавие «может действовать сходно с пространством столь великого государства». Более того, «всякое другое правление не только было бы для России вредно, но и в конце разорительно». Это утверждение императрицы находилось в явном противоречии с идеей Монтескьё о том, что «обширные пространства государства способствуют возникновению деспотизма». Совершенно очевидно, что Екатерина Великая не последовала советам французского философа и в «Наказе» оставила без изменения самодержавный принцип государственного устройства страны. Иное дело крепостное право. Действительно, его прямого осуждения в документе нет, и ничего не говорится о необходимости его отмены. Напротив, в нём сказано, что «не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных». Но, как известно, «Наказ» в первоначальном виде до нас не дошёл. Тот документ, который мы сегодня имеем, — результат компромисса. А.Б. Каменский уверен, что в первоначальной редакции указа Екатерина II предложила способ постепенной ликвидации крепостного права — объявление свободными крестьян при продаже земли одним помещиком другому. Так что, вероятно, государыня в принципе осознавала необходимость освобождения крепостных, и лишь понимание того, что такой шаг помещики не поддержат, заставило её согласиться на удаление данного положения из «Наказа» (поскольку она была «одинока в своём окружении» и «ни на кого» не могла «в полной мере положиться»).

Но даже французская революция, сильно пошатнувшая представления императрицы о благодетельности новых идей (и заставившая пересмотреть отношение к революционной Франции), не привела её к полному разочарованию в идеях века Просвещения⁴. Яркое свидетельство тому – выбор воспитателя (швейцарца Ф.-С. Лагарпа, республиканца по политическим убеждениям, которые он никогда не скрывал) для любимого внука императрицы, вел. кн. Александра Павловича.

Принципам, заложенным в «Наказе», в полной мере не суждено было осуществиться. Но идеи, однажды возникшие и овладевшие умами коронованных особ, не исчезали бесследно. Наследник российского престола, будущий император Павел I уже предметно размышлял о конституции России. Мы, к сожалению, мало знаем о конституционном проекте Д.И. Фонвизина – Н.И. Панина, представленном Павлу I, но несомненно одно: он существовал и занимал ум «русского Гамлета»⁵. Пусть это был проект аристократической конституции на манер шведской, пусть он преследовал интересы сановной верхушки страны, продолжая в какой-то степени линию «верховников», попытавшихся ограничить власть Анны Иоанновны «кондициями». Не в этом суть, главное, что возможность законодательного ограничения самодержавной власти в Зимнем дворце обсуждалась.

Идеи энциклопедистов, развитые европейскими мыслителями, прежде всего Б. Констаном, в стройные политические концепции, – народного представительства, разделения властей, верховенства закона, исходившие из представления о народе как источнике законов, о равенстве всех людей перед законом и недопустимости обладания человека человеком и т.п., – с большим трудом, но всё же проникали в сознание образованной части российского общества.

Начало XIX в. – существеннейший рубеж в истории российских реформ. На престол вступил Александр I. Впервые в России на троне оказался человек, убеждённый в необходимости реформировать неограниченное самодержавие и крепостное право и, что самое главное, готовый действовать. С этого времени и начался отсчёт попыток изменить не соответствующие, как тогда говорили и писали, «духу времени» отжившие свой век государственные институты.

Система взглядов, которую Лагарп привил своему ученику, базировалась на представлении о личности как основе любого справедливого общественного устройства. Естественно, речь шла о всеобщей свободе, не стеснённой никакими (социальными или иными) рамками. С юных лет Александр усвоил, что наиболее подходящим политическим устройством для современного государства является представительное правление, будь то монархия, где власть государя ограничена конституцией, или даже республика. Крепостное право Лагарп называл несомненным злом, которое непременно должно быть уничтожено. Кроме того, великому князю были хорошо известны взгляды английского экономиста А. Смита, ещё в 1770-х гг. убедительно доказавшего, что труд свободный гораздо производительнее подневольного. Конечно, Лагарп смог внушить будущему императору только самые общие представления. Но, как известно, нет ничего более

⁴ *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины»... СПб., 1992. С. 165–174. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России в XVIII веке (опыт целостного анализа). М., 2001.

⁵ *Сафонов М.М.* Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974; *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. М., 1982; *Песков А.М.* Павел I. М., 1999; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I...

прочного, чем идеи, воспринятые в ранней молодости. Впоследствии Александр I не раз признавался, что Лагарп сыграл решающую роль в формировании его личности («Не было бы Лагарпа, не было бы Александра»). А в день их расставания (май 1795 г.) вел. кн. Александр Павлович признался воспитателю: «Вам я обязан всем, кроме самого появления на свет»⁶.

В советской историографии попытки власти и общества в первой четверти XIX в. изменить Россию рассматривались в отрыве друг от друга. При этом пальма первенства в стремлении открыть перед страной новые горизонты, определить иной вектор её развития, безусловно, принадлежала деятелям революционного движения – декабристам, которые самоотверженно боролись с косным и реакционным самодержавием⁷. И в таком подходе была своя логика. Ведь власть жестоко подавила попытку, предпринятую 14 декабря 1825 г. частью российского общества, повернуть страну на новый путь развития. Но это верно только на первый взгляд. Исследователи старались не замечать и даже игнорировали очевидные факты – стремление Александра I разработать пути постепенного освобождения крепостных крестьян и ввести в России представительное монархическое правление. На самом деле власть и передовая (и очень незначительная) часть общества стремились, по существу, к одному и тому же, но совершенно разными путями. Единственное, что их роднило, – это тайна, которая скрывала как процесс подготовки Александром I проектов коренного преобразования России, так и действия декабристов, вынашивавших свои планы в недрах тайного общества⁸.

Круг тех, кто в начале века разделял взгляды Александра I, оказался до чрезвычайности узок. Это был кружок «молодых друзей» императора – Н.Н. Новосильцев, В.П. Кочубей, С.Г. Строганов и А.А. Чарторыйский. Рассуждения о необходимости реформ в «духе времени» стали обычной темой их разговоров. В 1801 г. для выработки программы реформ «бесформенного здания государственного управления» они вместе с императором составили так называемый Негласный комитет. На его первом заседании, которое состоялось 24 июня, Новосильцев огласил программу предстоящих работ. Прежде всего необходимо было рассмотреть состояние империи, затем реформировать органы управления и, наконец, дать России конституцию, «устроенную согласно истинному духу нации». Александр I ещё до начала работы Негласного комитета говорил о его цели: «изучить все появившиеся конституции» и «составить из них нашу»⁹. Протоколы заседаний комитета, которые вёл П.А. Строганов, были опубликованы ещё до революции вел. кн. Николаем Михайловичем¹⁰ и проанализированы М.М. Сафоновым¹¹.

⁶ Подробнее об этом см.: Император Александр I и Фредерик Сезар Лагарп. Письма. Документы / Сост., вступ. статья и комм. А.Ю. Андреева и Д. Тозато-Риго. Пер. с франц. яз. В.А. Мильчиной. Т. 1. М., 2014; Т. 2–3. М., 2017.

⁷ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. I, II. М., 1955.

⁸ Мироненко С.В. Александр I и декабристы. М., 2016.

⁹ Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 122, 128.

¹⁰ Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб., 1903.

¹¹ Сафонов М.М. Протоколы Негласного комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976.

Члены Негласного комитета (регулярно собиравшегося в туалетной комнате императора) между собой в шутку называли его Комитетом общественного спасения. При всей несхожести революционной Франции и александровской России нельзя не отметить весьма характерное самоощущение реформаторов. В окружении вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, куда проникали отголоски занятий в Негласном комитете, его членов называли не иначе как «якобинской шайкой»¹².

Александр и его молодые друзья искренне верили в возможность скорого и лёгкого преобразования страны. Действительность оказалась намного сложнее. Занятия Негласного комитета, довольно быстро превратившегося в дискуссионный клуб, продолжались четыре с половиной года, но за все это время его членам так и не удалось создать ни одного конкретного проекта преобразований.

Но всё-таки один важный шаг на пути реформирования русской жизни был сделан. 20 февраля 1803 г. вышел указ о вольных хлебопашцах, позволявший помещикам освобождать принадлежавших им крепостных с землёй за выкуп. Символическое значение этого шага трудно переоценить. Впервые за многие века укрепления основ крепостничества появился законодательный акт, не регламентирующий крепостные отношения, а открывавший путь к освобождению крестьян. Но оказалось, что к этому помещики вовсе не стремились. Результаты исполнения указа оказались ничтожными. За время александровского царствования в вольные хлебопашцы перевели менее 50 тыс. (0,5%) крепостных¹³.

Какое впечатление произвела эта неудача на Александра I, неизвестно. Можно предположить, что он был удивлён. Ведь указ основывался на прогрессивных идеях — о недопустимости владения людьми как рабами и об экономическом преимуществе свободного труда. Но в России всё было не так, как в остальном мире. Подавляющее большинство помещиков проигнорировали указ, тем самым продемонстрировав свою приверженность старине.

Но и крестьяне не слишком стремились к свободе. Во всяком случае, к свободе без земли. В этом смысле характерен эпизод с попыткой декабриста И.Д. Якушкина освободить принадлежавших ему крепостных. В 1819 г. он приехал в своё имение Жуково Смоленской губ. и предложил крестьянам личное, но безземельное освобождение. Те посоветались и отказались от такого предложения. Вот как описал это Якушкин: «Я собрал их и долго с ними толковал; они слушали меня со вниманием и, наконец, спросили: “Земля, которою мы теперь владеем, будет принадлежать нам или нет?” Я им отвечал, что земля будет принадлежать мне, но что они будут властны её нанимать у меня. “Ну так, батюшка, оставайся всё по-старому: мы ваши, а земля наша”... Русский крестьянин не допускает возможности, чтобы у него не было хоть клокка земли, которую он пахал бы для себя собственно»¹⁴. Этот частный случай со всей очевидностью показывает, что крестьяне, по крайней мере центральных губерний России, не были готовы к тому, чтобы их труд в хозяйских поместьях стал вольнонаёмным.

Следующий этап реформаторской деятельности Александра I связан с М.М. Сперанским. Расставшись с «молодыми друзьями», вернее, разочаровавшись в способности путём дружеского обсуждения достичь конкретных

¹² Фёдоров В.А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 58.

¹³ Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII века и первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888. С. 266.

¹⁴ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, письма. Иркутск, 1993. С. 99.

результатов, император нашёл нового единомышленника. Судьба свела его с одним из самых выдающихся государственных умов того времени, которому он поручил подготовку проекта переустройства России. Позднее Сперанский писал императору: «В конце 1808 года, после разных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошёл план всеобщего государственного преобразования»¹⁵. Рассматривая всемирную историю, особенно европейскую, пытаясь отыскать в ней закономерности, приводившие к смене одной формы правления другой, Сперанский пришёл к выводу, что «время есть первое начало и источник всех политических обновлений». «Никакое правительство, с духом времени не сообразное, — писал он, — против всемогущего его действия устоять не может». Всё развитие политической жизни Европы представляло собой, по словам Сперанского, «переход от феодального правления к республиканскому». И никто не смог противостоять этому неумолимому процессу: «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление её воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома... Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества». Сперанский утверждал, что существует общность исторических судеб России и Европы, и что для его страны есть лишь один путь развития — европейский. Обращаясь к современному положению империи, он указывал на изменение отношения народа к самодержавной власти, явный упадок её авторитета, очевидную невозможность справиться с положением «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка вещей». Из всего сказанного Сперанский делал вывод: «Настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить её и основать новый вещей [дел] порядок». Последний, по существу, был для него не чем иным, как ограничением самодержавия конституцией. Сперанский предлагал ввести в управление страной принцип разделения властей. Законодательную власть предполагалось сконцентрировать во вновь создаваемом органе — Государственной думе, исполнительную — передать министерствам, а судебную — Сенату¹⁶.

Александр не решился пойти на столь радикальные реформы. Причина ясна: бюрократия и помещики не были готовы принять задуманные преобразования. Доказательств того множество. Приведу лишь отрывок из записок Д. П. Рунича, одного из самых мрачных деятелей александровского царствования: «Самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут верх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная ещё, в чём именно состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имевшие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг перед плебеями.

¹⁵ Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1897. С. 517.

¹⁶ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.

Недовольство высшего сословия было всеобщее»¹⁷. Неприятие идей Александра, выраженных в проекте Сперанского, вызвало появление, как бы теперь сказали, манифеста защитников старины – записки «О древней и новой России» Н.М. Карамзина. «Самодержавие есть палладиум России» и трогать его нельзя ни в коем случае – вот суть этого произведения. Историк соглашался с тем, что крепостное право – зло, но считал, что касаться его тогда было бы ещё большим злом¹⁸. И так думал не один Карамзин.

Противостояние с Наполеоном и заботы о послевоенном устройстве тогдашнего мира на время отодвинули внутриполитические проблемы, но сразу после возвращения в Россию в 1816 г. Александр I вновь обратился к проблеме реформирования основ русской жизни. Он поручил министру финансов Д.А. Гурьеву, а затем и А.А. Аракчееву разработать проекты постепенного освобождения крепостных крестьян.

18 марта 1818 г. в Варшаве при открытии работы первого польского парламента Александр I произнёс речь, которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Говоря о «благотворном действии» конституционных начал вообще, император заявил о своей решимости распространить их на все подвластные его скипетру земли. Одно то, что немедленно во всех российских газетах было полностью опубликовано это выступление, говорит о его особом значении для императора. Представ искренним сторонником конституционного переустройства своей страны, он заявлял, что польская конституция – это опыт, от успеха или неуспеха которого зависит его дальнейшее распространение. Правящая элита России была ошеломлена намечавшимися планами императора относительно реформирования неограниченного самодержавия. Никто толком не понимал, что за этим последует.

Александр, как оказалось, не зря говорил о своих намерениях. В Варшаве при его непосредственном участии и под руководством члена Негласного комитета Н.Н. Новосильцева началась активная работа над проектом российской конституции (Уставной грамоты), который предусматривал создание в России двухпалатного парламента. «Да будет российский народ, – говорилось в ст. 91 проекта, – отныне навсегда иметь народное представительство» (и хотя в советской исторической литературе высказывались сомнения, являлась ли Уставная грамота проектом Основного закона страны¹⁹, сегодня историки единодушны в том, что это была конституция, пусть и самая консервативная из всех тогда существовавших). Все главные законы империи, а также государственный бюджет должны были непременно обсуждаться и одобряться парламентом. В проекте Уставной грамоты провозглашались гражданские свободы (печати, слова, вероисповедания²⁰), равенство всех перед законом и неприкосновенность личности. Вместе с тем в ст. 12 был зафиксирован принцип суверенитета императора, а не народа: «Государь есть единственный источник всех в империи властей гражданских, политических, законодательных и военных»²¹.

¹⁷ *Рунич Д.П.* Записки // Русская старина. 1901. № 2. С. 355–356.

¹⁸ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

¹⁹ *Предтеченский А.В.* Очерки социально-политической истории России в первой четверти XIX века. Л., 1957.

²⁰ Оговаривалось, правда, что православие остаётся господствующей религией, а политическое и гражданское равноправие предусматривается только для христиан.

²¹ *Мироненко С.В.* Александр I и декабристы. С. 94.

Но проектам конституционного переустройства страны и освобождения крепостных не суждено было осуществиться. И вряд ли это можно объяснить (как это заявлялось в советское время) несерьёзностью намерений императора, его «игрой в показной либерализм»²². Наоборот, эти намерения, реализованные в конкретных проектах, составленных по инициативе Александра I, стали выражением его убеждения в необходимости и неизбежности коренных перемен в империи. Почему же проекты так и остались на бумаге? Оставим на время этот вопрос и обратимся к другому: какое участие в попытках преобразования России принимало общество?

В нём тоже происходили перемены. Уже не единицы, как А.Н. Радищев и Н.И. Новиков, протестовали против деспотического произвола властителей, будь то никак не ограниченный произвол правителя государства или помещика. Число недовольных старыми порядками увеличилось. Рост национального самосознания, особенно после Отечественной войны 1812 года и освобождения Европы от наполеоновской тирании, заставлял патриотически настроенную молодёжь задумываться о путях развития родины. Возник и постепенно оформился, пусть сравнительно небольшой, но активный круг молодых офицеров, которые после возвращения из Европы в Россию, по словам Якушкина, проводили время в «томительном» существовании. Последнее, вспоминал декабрист, резко контрастировало с тем ощущением, которое ранее он и его современники пережили: «В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них, теперь было невыносимо смотреть на пустейшую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, восхваляющих всё старое и порицающих всякое движение вперёд. Мы ушли от них на 100 лет»²³.

Начиналась «эпоха тайных обществ». Быть членом любого из них, всё равно какого, стало модным²⁴. В 1816 г. возникло первое политическое тайное общество – Союз спасения. К поиску пути коренных изменений декабристов подталкивало и настроение простого народа, в котором таилось извечное недовольство властью. Члены тайных обществ чутко прислушивались к разговорам возвратившихся из Европы солдат-освободителей. «Мы проливали кровь, говорили они, — писал из Петропавловской крепости Николаю I о дошедших до него разговорах солдат А.А. Бестужев, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили Родину от тирана, а нас опять тиранят господ»²⁵.

Мощным фактором, питавшим умы молодых патриотов, оказалось пребывание за границей. Сравнение западноевропейских реалий с жизнью в России оказалось явно не в пользу последней. М.А. Фонвизин писал: «В походах по Германии и Франции наши молодые люди ознакомились с европейской цивилизацией, которая произвела на них тем сильнейшее впечатление, что они могли сравнивать всё виденное ими за границей с тем, что им на всяком шагу представлялось на родине: рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчинёнными, всякого рода злоупотребления власти,

²² История СССР. Т. I. М., 1956. С. 641.

²³ Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 79.

²⁴ См.: Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

²⁵ Из писем и показаний декабристов / Под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906. С. 35–36.

повсюду царствующий произвол — всё это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство»²⁶.

Остановить проникновение западных идей в Россию было уже невозможно. Да и правительство не стремилось к этому. Когда в мае 1826 г., завершая следствие по делу декабристов, правительство разослало арестованным так называемые вопросные пункты «о воспитании», ответы на них были единодушными. Участники тайных обществ отмечали, что главную роль при формировании их убеждений сыграли такие факторы, как чтение современной западной политической литературы и пребывание за границей²⁷. Именно это в первую очередь заставило их обратить внимание на язвы российской жизни и стремиться изменить такое положение. То же было с программными сочинениями декабристов — «Русской правдой» П.И. Пестеля и «Конституцией» Н.М. Муравьёва (в основе которых — сочинения современных им западных мыслителей), не говоря уже о «Зелёной книге» Союза благоденствия (переложение на русский язык устава прусского общества «Tugendbund»)²⁸.

Будущие декабристы, сначала способствовавшие реформаторским начинаниям российского правительства и императора, постепенно, не видя конкретных результатов их действий, пришли к выводу о неспособности Александра I к решительным действиям и встали на путь насильственного достижения своих целей. Но и их попытка не увенчалась успехом. В чём причина? Ответ очевиден: страна не была готова к радикальным переменам. Император же не думал о насилии как средстве установления в России конституционной монархии и освобождения крестьян. Он надеялся, что это произойдёт само собой. Однако столкнувшись с сопротивлением со стороны общества, Александр I не решился на реформы, хотя искренне их желал.

После поражения восстания на Сенатской площади для Николая I сама идея какого-либо ограничения самодержавной власти в России была неприемлема. Но крестьянский вопрос занимал его ум на протяжении всего правления. Больше десятка секретных комитетов бились над проблемой постепенного освобождения крепостных крестьян, но власть так ничего и не достигла. Указ об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г., подготовленный Секретным комитетом в 1839—1842 гг., не принёс сколько-нибудь значимых результатов. А ведь поначалу оставалась надежда, что план постепенной ликвидации крепостного права будет выработан в этом комитете. Но крепостнически настроенное большинство его членов довольно искусно свело на нет реформаторские начинания. Николай I, видя позицию большинства, вынужден был отступить. Борьба реформаторов и консерваторов в очередной раз закончилась победой последних. При обсуждении проекта указа в Государственном совете Николай I счёл необходимым публично высказаться по поводу проблемы освобождения крепостных. «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло, для всех ощутительное и очевидное», — начал выступление император. Однако затем продолжил: «Но прикасаться к нему теперь было бы делом ещё более гибельным». Эта мысль Николая I

²⁶ Фонвизин М.А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 1982. С. 182.

²⁷ См.: Восстание декабристов. Т. I—XV. М.; Л. 1925—1979; Т. XVIII—XX. М., 1984—2001.

²⁸ Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьёв // Дружинин Н.М. Избранные труды. Революционное движение в России. М., 1985.

перекликается с идеей, представленной в записке Карамзина «О древней и новой России». Государь совершенно сознательно пообещал помещикам, что он, как и его брат Александр I, не решится предоставить свободу крепостным, «считая, что... в настоящую эпоху всякий помысел о том был бы не что иное, как преступное посягательство на общественное спокойствие и на благо государства». Но при этом Николай I всё же счёл необходимым дополнить его предупреждением, что крестьянская проблема остаётся в повестке дня: «Но нельзя скрывать от себя, что теперь мысли уже не те, какие бывали прежде, и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что нынешнее положение не может продолжаться навсегда». Правда, побудительный мотив, заставлявший власть упорно искать пути решения крестьянского вопроса, был уже несколько иной, чем во времена Александра I. Возникла опасность крестьянского бунта: он оказывался неизбежным в случае оставления сложившегося положения без изменения. Как выразился председатель Государственного совета и Комитета министров И.В. Васильчиков: «Лучше добровольно сделать первый шаг в видах постепенного освобождения крепостных людей, ибо иначе скоро настанет время, когда они сами потребуют себе прав»²⁹. Напомню хрестоматийные слова из представленного Николаю I в 1839 г. отчёта III отделения Собственной е.и.в. канцелярии: «Крепостное право есть пороховой погреб под государством»³⁰. Хотя Николай I и не решился на отмену рабства, но, умирая, взял слово о его ликвидации с будущего императора Александра II³¹.

Как же всё-таки власть приступила к решению крестьянского вопроса, который, как она ни старалась, «не поддавался» ей в течение полувека? Решающую роль в этом сыграла отнюдь не экономика. После поражения в Крымской войне (1853–1856), которая вскрыла «гнилость и бессилие» царской России, был подписан унижительный для неё Парижский мирный договор (1856). Он представлял для Российской империи реальную угрозу потери статуса великой державы. В этих условиях уже невозможно было терпеть в деревне господство крепостных отношений, которые и определяли экономическую отсталость страны. После смерти Николая I наступила «оттепель». Александру II, в отличие от его предшественников, уже не приходилось размышлять о своевременности отмены крепостного права, ему следовало действовать. Выступая перед московским дворянством в марте 1856 г., император заявил, что лучше освободить крестьян «сверху», чем они освободят себя «снизу», и процесс подготовки крестьянской реформы начался³².

Однако в 1860-х гг. Россия экономически оказалась не готова к реформам. Общеизвестно, что помещики в большинстве своём ещё не поняли преимуществ вольнонаёмного труда и не были заинтересованы в освобождении крепостных. В принципе власть могла бы в очередной раз отступить, но угроза превращения России во второстепенную европейскую страну заставила Александра II

²⁹ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 184–188.

³⁰ Россия под надзором. Отчёты III отделения. 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 202.

³¹ Великий князь Константин Николаевич говорил А.О. Смирновой-Россет: «Ведь Вы знаете, что на смертном одре Государь взял слово с брата. Дай Бог кончить войну, а потом начнём другое дело» // Русский архив. 1897. № 8. С. 622.

³² Попельницкий А.З. Речь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московским предводителям дворянства // Голос минувшего. 1915. № 5–6. С. 393.

действовать. Он сделал то, на что за прошедшие полвека так и не решились его предшественники. Только применив в 1861 г. насилие в отношении и помещиков, и крестьян, самодержавие смогло отменить крепостничество, что позволило России сохранить своё положение в мире.

Как это происходило в реальной жизни, хорошо известно. Для Александра II было важно, чтобы инициатива обсуждения крестьянского вопроса исходила от помещиков. Добиться этого оказалось нелегко. И тут на помощь пришли дворяне западных губерний. Во время коронации Александра II виленский генерал-губернатор В.И. Назимов получил устные рекомендации от руководителей Министерства внутренних дел: постараться устроить дело таким образом, чтобы помещики управляемого им края сами обратились к императору с просьбой разрешить им обсудить крестьянский вопрос. Затем последовало решение инвентарных комитетов Виленской, Гродненской и Ковенской губерний – довести до сведения государя о желании дворянства этих губерний приступить к началу освобождения крестьян. А 20 ноября 1857 г. Александр II подписал рескрипт Назимову, разрешавший учредить в Вильно специальный комитет для обсуждения условий освобождения. Вскоре такие комитеты один за другим открылись во всех губерниях России, однако выработанные ими проекты не удовлетворили власть. Большинство из них, по сути, оставались крепостническими. Чтобы добиться желаемого результата, правительству пришлось пойти на хитрость. Были созданы так называемые Редакционные комиссии, куда наряду с экспертами из дворян назначались от правительства представители либеральной бюрократии, которые сообща подготовили программу реформ³³.

Опираясь на какую силу, власть сумела преодолеть сопротивление дворянства и провести крестьянскую реформу? Кто формулировал идеи реформ и проводил их в жизнь? Либеральная бюрократия, и только она. Хотим мы это признать или нет, но другой силы, способной осуществить великие реформы в России в XIX в., не существовало. По поводу традиционного для советской историографии мнения о решающей роли народных масс в истории вообще и ликвидации крепостного права в частности, отмечу только, что я его не разделяю. В деле освобождения крестьян власть, с одной стороны, очень боялась крестьянского бунта, хотя в реальности он не представлял большой опасности, с другой – использовала его угрозу как средство давления на помещиков. Мой учитель П.А. Зайончковский как-то рассказал мне, что он и известный специалист по английской истории М.А. Барг пришли к следующему выводу. Народные массы оказывают влияние на ход истории только в очень редких случаях – когда выходят на улицы и действительно «творят историю», как, например, в феврале 1917 г.

Что же касается либеральных бюрократов, то этих сторонников реформ в высших эшелонах власти во время александровского царствования можно было пересчитать по пальцам; при Николае I их число возросло. Внутри, казалось бы, монолитной консервативно (если не сказать реакционно) настроенной николаевской бюрократии стал уже формироваться её либеральный слой, группировавшийся вокруг министра государственных имуществ П.Д. Киселёва. Именно его, в 1835 г. представившего Николаю I план двуединой реформы государственных и помещичьих крестьян, император со свойственным ему пафосом называл

³³ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984; *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

своим «начальником штаба по крестьянской части»³⁴. В это время сформировались кружки, где молодые бюрократы, в частности, племянники Киселёва братья Милютины, обсуждали будущее России. Затем при Александре II либеральная бюрократия превратилась в реальную силу. Именно она во главе с императором и его братом вел. кн. Константином Николаевичем сделала возможными отмену крепостного права и осуществление преобразований, которые дали мощный толчок развитию страны и вывели её из состояния застоя и стагнации (реформы: судебная, земская, военная и в сфере образования). Нельзя забывать и о таких крупных государственных и общественных деятелях, навсегда вписавших свои имена в отечественную историю, как Н.А. Милютин (великий русский реформатор, отец крестьянской реформы), Я.И. Ростовцев (начавший свой путь доносом на декабристов, а закончивший жизнь убеждённым сторонником освобождения крестьян), С.И. Зарудный (один из творцов судебной реформы), К.Д. Кавелин, Ю.Ф. Самарин и др.

Далее кратко охарактеризуем развитие в XVII–XIX вв. Европы, являвшейся образцом для российских реформаторов. Традиционно процесс ломки отживших феодальных отношений связывается с возникновением и становлением третьего сословия и его передовой части – буржуазии. С течением времени последняя мощно заявила о себе. Ей стало тесно в сословных границах феодального общества. Именно буржуазии западный мир обязан становлением новой системы политических и экономических отношений. Только буржуазия была кровно заинтересована в том, чтобы возникло новое государство, которое защищало бы её интересы, а экономика развивалась бы по-другому. Конечно, в каждой из европейских стран этот процесс протекал по-разному и в различных формах, но это не меняло его сути.

Российская империя по социально-экономическому развитию совсем не походила на европейские государства. Идеи, приходившие с Запада, сталкивались в России с иной реальностью. Прежде всего в ней не было третьего сословия. Но именно по образцу преобразования западного мира местная либеральная бюрократия пыталась перестроить страну.

В советское время все происходившие в мире перемены нужно было объяснять в рамках смены одной социально-экономической формации другой. Догматически утверждалось, что исторический путь России строго укладывался в эту парадигму. Господствовала теория разложения (последняя треть XVIII в.) и кризиса (первая половина XIX в.) феодально-крепостнических отношений в России и замены феодальной формации капиталистической. Эта концепция пронизывала все учебники (от школьных до вузовских) и была закреплена в многотомной академической «Истории СССР с древнейших времён до наших дней». Академик Н.М. Дружинин, признанный специалист в области социально-экономической истории России, автор главы об экономическом развитии нашей страны в дореформенное время, писал о формировании в первой половине XIX в. внутри феодальной формации капиталистического уклада, о применении в сельском хозяйстве вольнонаёмного труда, о внедрении машин и т.п.³⁵ Но в то время в России не было и не могло быть капиталистического уклада по многим причинам и, главное, потому что основная масса крестьян находилась в крепостной зависимости от

³⁴ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф Киселёв и его время. Т. 2. СПб., 1882. С. 13.

³⁵ *История СССР с древнейших времён до наших дней.* Сер. 1. Т. IV. М., 1967. С. 218–255.

помещиков (крепостные крестьяне) либо от государства (государственные) и правящей династии (удельные). Не было рынка свободной рабочей силы, что является основой для возникновения и развития новых социально-экономических отношений. В теории К. Маркса смена формаций тесно связана с развитием средств производства, переходом от ручного труда к машинному. Россия XIX в. оставалась аграрной страной, где сельское хозяйство находилось на очень низком уровне и велось допотопным способом³⁶. Да что там говорить, если в огромной России работал один-единственный крупный завод сельскохозяйственных машин – Бутенопа. Экспорт их из-за границы оставался мизерным и в масштабах всей страны «погоды не делал». Естественно, что не всё было так однозначно. Новое вопреки всему настойчиво пробивало себе дорогу. В предреформенные годы быстро развивалась ткацкая промышленность, где стремительно шёл процесс перехода от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике. Шло расслоение и в крепостной деревне, среди крепостных крестьян появлялись скрытые собственники земельных наделов, в городах шёл медленный и неявный процесс формирования буржуазии. Но никакого капиталистического уклада в дореформенной России, по моему глубокому убеждению, не было, как и того слоя, который называют третьим сословием, т.е. той силы, которая на Западе являлась мощным двигателем преобразований.

Но буржуазные, по сути, реформы в стране всё-таки были проведены. Каким же образом? Произошла «революция сверху»³⁷, которую осуществила самодержавная власть, опираясь на либеральную бюрократию или, если угодно, вместе с ней. Либеральная бюрократия сыграла в России ту роль локомотива истории, которую на Западе сыграла буржуазия.

В последние десятилетия широкое распространение получила возникшая в 1950-х гг. и модная сегодня теория модернизации, согласно которой все страны делятся на две группы – опережающего и догоняющего развития. Если следовать этим теориям, России, подобно, например, Японии или Мексике, слишком поздно вступившим на путь модернизации, предстояло догонять ушедшие далеко вперёд передовые страны. Среди существенных факторов, которые помогли странам догоняющего развития достичь желаемых результатов, в числе главных сторонники этой теории называют роль государства. Именно во временном ограничении рыночных отношений государством, в авторитарном правлении сторонники теории видят преимущество стран догоняющего типа. По их мнению, только вмешательство государства в экономику способно переломить ситуацию и позволить «отстающим» странам стать вровень с «передовыми».

Можно согласиться со сторонниками этой концепции. Во всяком случае, отмена крепостного права, другие великие реформы состоялись именно благодаря ведущей роли государства и насилию, которое оно совершило ради России. Но вот было ли насильственное изменение страны, в том виде, в каком его осуществили в 1860-х гг., благодатным? Это совсем не простой вопрос, как может показаться на первый взгляд.

Принципы, положенные в основу крестьянской реформы 1861 г., оказались компромиссом, как показало время, неудачным. Из-за отрезков у крестьян не

³⁶ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.

³⁷ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1988.

оказалось достаточного количества земли для самостоятельного хозяйствования. Помещики лишились крестьян и от выкупной операции не получили средств, необходимых для организации своих хозяйств по-новому. Самое главное, что хотя освобождение крестьян и явилось огромным шагом вперёд, но одного этого оказалось недостаточно, чтобы сделать великие реформы необратимыми. Лучшие умы России, подготовившие крестьянскую реформу 1861 г., не смогли понять, что прогрессивное развитие страны было невозможно не только без ликвидации крепостного права, но и без разрушения уравнильно-передельной общины и создания слоя крестьян-собственников. Что не только личная зависимость крестьянина от помещика, но и власть общинных порядков (главным образом переделов земли внутри общины) не давали возможности свободно развиваться крестьянскому хозяйству. Община не позволяла крестьянину стать полным и самостоятельным собственником земельного надела, подавляла его заинтересованность в улучшенной обработке земли, применении современных достижений агрикультуры. Русский крестьянин находился под прессом земельных переделов (пусть уже в пореформенное время и не столь регулярных). На первый взгляд кажущаяся верхом справедливости идея передела земель на деле являлась тормозом экономического развития страны. Устрашившись пауперизации, появления на политической арене рабочего класса с его требованиями и революционными настроениями (опыт европейских революций и особенно революции 1848 г.), отцы крестьянской реформы не решились тронуть общинное устройство и тем самым заложили мину под всем ими сделанным.

Перед обаянием русской крестьянской общины не устоял А.И. Герцен, который наивно видел в ней зачаток социализма. Из заманчивой идеи общинности как преимущества русской жизни перед Западом выросло народничество.

Правление Александра III вошло в историю как эпоха контрреформ. Осознание необходимости разрушения уравнильно-передельной общины пришло лишь в начале XX в. Великий отечественный государственный деятель П.А. Столыпин хорошо понимал, что только создание среднего класса самостоятельных сельских обывателей смогло бы обеспечить России достойное будущее. Он сумел добиться (именно так!) принятия ряда законов, направленных на разрушение общины. Именно в этом заключается подлинное величие Столыпина, а не в произнесённой им «заезженной» сегодня фразе «вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия». Однако столыпинская реформа опоздала на полстолетия, и её прервала Первая мировая война. В победе большевиков не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в России так и не сформировался средний класс, который и сегодня является основой западного строя.

Нельзя забывать и о трагической судьбе самого Столыпина (смертельно ранен 1 сентября 1911 г. в Киеве). Но уже до этого его отставка с поста премьер-министра была предreshена. Сильный лидер-реформатор оказался не нужен ни Николаю II, ни набиравшей силу придворной камарилье. Николай II не был сильным политиком и тем более крупным государственным деятелем. В борьбе за будущее России, которое, конечно, ассоциировалось с личностью Столыпина, царь выбрал не движение вперёд, а застой и стагнацию. Поражение в Русско-японской войне (1904–1905) и революционные события (1905–1906) заставили его издать Манифест 17 октября 1905 г. и пойти на создание в России квазипарламента — Государственной думы. Но в душе он продолжал думать о себе, как о «хозяине земли русской».

Февральская революция, как представлялось, дала России шанс на цивилизованное развитие, но он оказался призрачным. Большевистский переворот развернул Россию совсем в другую сторону. А глубинные причины, вызвавшие три русские революции XX в., лежат в неудаче реформы 1861 г.³⁸

Кстати, идеи, пусть и демагогически извращённые большевиками, В.И. Лениным и И.В. Сталиным, тоже пришли с Запада. И вновь, как и прежде, попав на российскую землю, они оказались изменёнными до неузнаваемости. Россия опять оказалась отброшена назад, хотя и добилась впечатляющих успехов в промышленном развитии. Но какой ценой?

Настали новые времена. Советский Союз вновь оказался неспособным конкурировать с экономикой развитых стран, и в который раз встал вопрос о реформах. В апреле 1985 г. генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачёв произнёс слова, которые звучали и в XIX в.: «Так дальше жить нельзя». Началась перестройка, инициированная всё той же либеральной бюрократией. Август 1991 г. знаменовал новый этап в развитии страны. Многие называют эти события революцией. Снова взгляды реформаторов обратились к примеру западных стран. Е.Т. Гайдар был уверен, что частная собственность и рынок сами сделают всё необходимое. Но, как мы видим сейчас, он ошибся.

В заключение отмечу, что я не считаю свою точку зрения на пути модернизации России единственно верной. Но вывод о решающей роли, которую сыграла либеральная бюрократия в реформировании страны в XIX – начале XX в., думаю, заслуживает внимания. Не будь либеральной бюрократии, не было бы великих реформ второй половины XIX в. Я не вижу другой силы, которая оказала такое мощное влияние на российскую историю данного периода. Но одновременно нельзя не видеть и ограниченность этой силы. Опыт реформирования основ российской жизни показал, что либеральная бюрократия, в отличие от третьего сословия, которое со временем превратилось в средний класс, не самый удачный двигатель реформ. В массе своей она была лишена собственности, и это делало её уязвимой и не столь радикальной, как того требовала жизнь. Плоть от плоти, кровь от крови Российского государства она несла в себе все его черты. И в их числе – доведённый до абсурда патернализм, когда каждый шаг регламентировался и контролировался государством. Российская либеральная бюрократия сумела ответить на вызовы времени, но ответ оказался не во всём удачным (крестьянская реформа) и, главное, запоздал. И очередная попытка реформирования России по западному образцу окончилась неудачей.

Так что же, наша страна обречена то двигаться вперёд, то опять возвращаться назад? Неужели все уроки, полученные за несколько столетий, и все принесённые жертвы напрасны? Думаю, дело не столь безнадежно, и вектор движения России явно определён – идти в ногу со всем цивилизованным миром.

³⁸ Великая, но неудачная. К 150-летию крестьянской реформы 1861 года // Великая крестьянская реформа и её влияние на развитие России. Сборник докладов Всероссийской научной конференции, посвящённой 150-летию отмены крепостного права. 4–5 марта 2011 г. М., 2011. С. 17–19.

Алексей Миллер: Где и какую модернизацию стоит искать в истории России?*
Alexey Miller (European University in Saint Petersburg, Russia): What Kind of Modernization Should We Look for in Russian History?

Дискуссии, посвящённые 100-летию юбилею Российской революции 1917–1922 гг., неизбежно выходят за рамки обсуждения собственно революционных событий. Вопросы о том, каковы были причины революции, как оценить её значение для России, предполагают ту или иную трактовку развития страны в имперский период. И в его оценке ни в обществе, ни среди профессиональных историков согласия нет, что вполне нормально – прошлое живо, пока люди о нём спорят. Скорее, ненормально, что даже среди учёных разногласия носят в данном случае не частный, не конкретный, а «глобальный» характер. Так, например, оценки тенденций социально-экономического развития страны, особенно в начале XX в., зачастую предлагаются настолько взаимоисключающие, как будто они относятся к разным странам. Такие фронтальные расхождения в отношении даже общей интерпретационной рамки, самой общей логики нарратива истории Российской империи свидетельствуют о том, что в дискуссии замешаны не только методологические, но и идеологические противоречия.

Статья С.В. Мироненко – весьма своевременное приглашение к профессиональной дискуссии о том, как мы можем осмыслить и рассказать историю России имперского периода¹. Сначала я предполагаю обсудить те тезисы Мироненко, с которыми я согласен и по поводу которых считаю нужным возразить, а затем рассмотреть темы, им не затронутые, но, с моей точки зрения, принципиально важные в данной дискуссии.

Пожалуй, центральным в статье Мироненко является тезис: «Кто формулировал идеи реформ, кто проводил их в жизнь? Либеральная бюрократия, и только она. Хотим мы это признать или нет, но другой силы, способной осуществить великие реформы в России в XIX в., не существовало». Он сформулирован прежде всего как отрицание решающей роли масс в истории за исключением кратких моментов революционных взрывов, и в этом с автором можно вполне согласиться. Однако оценку роли либеральной бюрократии я бы скорректировал. Во-первых, бюрократии данного типа (и в особенности братьям Милютиным) было свойственно пренебрежение в отношении проблем, связанных с социально-политической базой реформ, что пагубно отражалось на их развитии. Либеральная бюрократия, вместо того чтобы искать взаимопонимания и сотрудничества со способной участвовать в реформах частью дворянства (другой социальной базой для реформ в то время не существовало), стремилась к нейтрализации этой социальной группы, воспринимавшей лишь как угроза и помеха преобразованиям².

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

¹ В целом в обществе очевиден запрос на ревизию «больших исторических нарративов» отечественной истории, но наиболее оперативные отклики на него чаще всего приходят от заведомых дилетантов (как в случае с Б. Акулиным) и авторов, которые разочаровывают своим непрофессионализмом (см.: *Герасимов И., Могильнер М., Глебов С.* Новая имперская история Северной Евразии. В 2 т. Казань, 2017).

² Эта недооценка важности консолидации и мобилизации элитных групп для проведения преобразований была свойственна большинству российских либералов в до- и постсоветский периоды.

Во-вторых, не все представители бюрократии, игравшие на разных этапах важную роль в проведении реформ, являлись либералами. Многие были консерваторами по своим идеалам и ценностям, а также представлениям о том, какие преобразования необходимы и как они должны осуществляться. Консерваторы-реформаторы в истории России — это и С.С. Уваров, и славянофилы, и П.А. Валуев, и Д.А. Толстой. Их роль в процессе реформ оказалась весьма значительной, хотя, как и в отношении либеральной бюрократии, не всегда положительной. Тем не менее считаю, что будет полезным отказаться от представления об истории России XIX — начала XX в. как о повторяющемся цикле реформ и контрреформ, реформаторского натиска либералов и следовавшего за ним отката. Собственно, два примера такой цикличности, приводимые Мироненко (контрреформы после Великих реформ, революция после столыпинских реформ) скорее указывают на принципиальное несходство этих воображаемых циклов.

Сам термин «контрреформы» я считаю неудачным. Мы имеем дело с разными преобразованиями: более консервативной направленности (1830-х и 1880-х гг.) и более либеральной (эпоха Великих реформ)³. Хотя, строго говоря, либеральное и консервативное целеполагания в планировании реформ почти всегда сочетались, только в разных пропорциях. Сама же идея реформы как способа избежать революции — это часть не либерального, но консервативного идейного репертуара, восходящая к Л. фон Штейну и другим представителям немецкого реформистского консерватизма⁴. Ведь и в Великих реформах видная роль принадлежала славянофилам В.А. Черкасскому и Ю.Ф. Самарину, чья система ценностей и общественный идеал были, безусловно, консервативными⁵. Поэтому описывать Великие реформы как «буржуазные, по сути» небезопасно: вовсе не буржуазными идеалами и задачами руководствовались люди, сохранившие общину и усилившие её власть над крестьянами в стремлении предотвратить их пролетаризацию.

Другой важный тезис Мироненко — по поводу использования концепции модернизации для описания российского исторического опыта имперского периода — нуждается, на мой взгляд, в ряде прояснений и уточнений. Теория, точнее, теории(!) модернизации существуют уже более полувека. За это время они переживали серьёзные кризисы и трансформации. Прямолинейное либеральное представление о модернизации как повторении западного пути развития при должном воздействии со стороны западных демократий, возникшее под впечатлением от успеха плана Маршалла, не пережило 1960-х гг. (правда, некоторые простодушные «западники» до сих пор исповедуют именно такую веру). Понятие «модернизация» в его изначальной версии отражало представление о «неизбежности» и «правильности» догоняющего развития по западным образцам. Между тем среди скептически настроенных в отношении либеральных версий теорий модернизации такие выдающиеся историки-социологи, как Ш. Айзенштадт и И. Валлерстайн. Первый из них утверждал, что «модерность» может проявлять себя в политических и социальных формах, которые существенно отличаются

³ Например, всем известен факт отмены предварительной цензуры в 1863 г., а кто помнит о решении учредить «Губернские ведомости» в 1837 г., в результате которого с 1838 г. в 40 российских губерниях заработала местная пресса?

⁴ *Mannheim K. Conservative thought // Mannheim K. Essays on sociology and social psychology. L., 1953* (см. также: *Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994*).

⁵ См.: *Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Warszawa, 1964*.

от доминирующего западного образца⁶ (в развитие его идей историки представили, как европейские державы подавляли альтернативные формы модерности в подчинённых обществах во время глобализации XIX в.). Второй же показал, как периферийные общества должны были находить свои особые модели развития, если хотели успешно конкурировать с ядром мир-системы⁷. Именно в этой оптике и полезно рассматривать опыт авторитарной модернизации Российской империи наряду с практикой Пруссии/Германии и Японии. Эти страны приняли политические формы западной демократии лишь в результате своих поражений во Второй мировой войне и диктата победителей, прежде всего США. Полупериферийное положение России в мировой экономической системе и ограниченность её социально-экономических ресурсов сочетались с непрерывным сохранением ею политического суверенитета и продолжавшейся более 300 лет имперской экспансией. Это, пожалуй, уникальная ситуация для крупной державы, что и должно быть осмыслено в нашем нарративе модернизации⁸.

Один из центральных постулатов теории модернизации представлял нацию-государство как оптимальную форму политической организации современного общества, а империи – как отживающий элемент традиционного, «старого» порядка. Этой проблематики Мироненко не касается совсем. Слово «нация» в его статье встречается изредка и только в цитатах, «империя» же появляется неоднократно, но неизменно как синоним государства и не анализируется как сложносоставное, поликонфессиональное и полиэтничное государство (ни разу в работе не употреблены слова с корнем «этно»). Между тем в проблематике истории империи и её соотношения с модернизацией в последние годы наблюдаются весьма интересные новации. Размышления об истории России как империи долгое время ограничивались коридором, заданным работами А. Каппелера⁹ и Дж. Хоскинга¹⁰. Каппелер сосредоточивает внимание читателей на окраинах империи и населяющих её этноконфессиональных группах, а сюжет, связанный с формированием русской нации, оказывается маргинальным. Хоскинг, написавший книгу как реакцию на работу Каппелера, сфокусирован на русских, империя же выступает у него как главное препятствие формирования нации. Национализация исторических нарративов

⁶ Eisenstadt S.N. Multiple modernities // Daedalus. Vol. 129. 2000. № 1. p. 1–29.

⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. Н. Тюкиной. М., 2006; Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. 1–4. М., 2015–2016. В этом контексте представляется упрощённым тезис Мироненко: «Российская империя по социально-экономическому развитию совсем не походила на европейские государства. Идеи, приходившие с Запада, сталкивались с иной реальностью в России. Прежде всего в ней не было третьего сословия. Но именно по образцу перестройки западного мира российская либеральная бюрократия пыталась перестроить страну». Думаю, что полезнее смотреть на то, как Россия в имперский период в стремлении к тому, чтобы быть конкурентоспособной в отношениях с Западом, искала собственные оригинальные решения, но не отрицавшие базовых принципов западной экономической модели, как это было сделано при советской власти.

⁸ В этих условиях неизбежно возникает, например, вопрос: чем являлись в XVIII и отчасти в XIX в. крепостное право и связанные с ним институты – только лишь тормозом развития или уникальным механизмом мобилизации ресурсов для имперской проекции силы? (см. об этом: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007; Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012; Le Donne J. The Russian Empire and the World, 1700–1831. Oxford, 1997).

⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.

¹⁰ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). М., 2001.

после распада СССР в новых государствах, в том числе и в России, только усилила данную тенденцию.

В 2009 г. Ю. Остерхаммель опубликовалopus-магнум «Преображение мира», в котором во многом по-новому описал процессы модернизации и глобализации XIX – первой половины XX в.¹¹ Автор справедливо указал, что широко распространённое убеждение, будто XIX в. был временем утверждения национальных государств, не соответствует действительности. Сходные тезисы и ранее высказывались некоторыми авторами¹².

Утверждение Остерхаммеля о том, что XIX – начало XX в. – время не национальных государств, но «империй и национализма», открывает несколько интересных направлений для осмысления модернизационных процессов того периода. Жёсткое противопоставление империи и нации-государства как двух принципиально различных и несовместимых типов политической организации общества и пространства доминировало в историографии в течение нескольких десятилетий. Если историки говорили об империях в связи со строительством наций, то только в качестве препятствия в нацстроительстве и как о заведомо устаревшей политической форме. В действительности большинство процессов, подготовивших создание современного государства, происходили в имперских метрополиях.

Индустриализация, урбанизация, формирование профессиональной бюрократии, введение обязательной военной службы, распространение грамотности и массового образования – всё это, ассоциирующееся с формированием современного государства, было тесно связано с империями и межимперским соревнованием. Многие институты, игравшие важную роль в строительстве нации, включая армию, прессу, университеты, Академию наук и другие научные общества, являлись прежде всего имперскими институтами. Развитие коммуникаций (например, телеграф, железные дороги), городов (особенно столиц, сочетавших роль имперских и национальных центров) и крупных портов рождалось из нужд империи и обслуживало её интересы.

Углубление экономических связей между различными регионами, крайне важное для формирования наций, тоже может быть понято только при учёте имперской динамики. Механизмы политического участия как на элитном, так и на массовом уровне с течением времени становились всё более связанными с концепцией национального представительства, гражданства и социальных прав, обсуждались и эволюционировали в имперском контексте, где основу дискриминации составляли расовые, гендерные и социальные аспекты. Довольно распространённая у нас привычка – сводить модернизацию к вопросу усвоения европейских политических идей, расширения политических свобод и создания нации-государства – неоправданно сужает и искажает нашу оптику при анализе процессов модернизации.

Крупные европейские нации строились в имперских метрополиях. Попытка Наполеона установить имперскую гегемонию в Европе опиралась на «вооружённую нацию» и дала толчок новой, активной фазе строительства наций

¹¹ *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.

¹² *Kamen H.* Empire: How Spain Became a World Power, 1492–1763. N.Y., 2004; *Suny R.G.* The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // *A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin* / Eds. R. G. Suny, M. Terry. Oxford, 2001. P. 23–66; *Berger S., Miller A.* Nation-Building and Regional Integration, 1800–1914: the Role of Empires // *European Review of History*. Vol. 15. 2008. № 3. P. 317–330.

в ядре почти всех крупнейших европейских империй. Именно соперничество последних послужило главным императивом для имперских династий и элит, попытавшихся вслед за Францией консолидировать в Британии, Германии (под прусской гегемонией) и России имперские нации¹³. Самое распространённое сегодня определение национализма (как политический принцип — это стремление к тому, чтобы пространство культурного и политического контроля совпадали), принадлежащее Э. Геллнеру, нуждается в корректировке¹⁴. Проекты строительства имперских наций (включая и русский), никогда не претендовали на то, чтобы распространить сферу культурного доминирования на всю империю, но при этом никто не хотел её «распускать», т.е. пространство политического контроля в них заведомо больше, чем пространство, охваченное проектом строительства нации¹⁵.

Самый амбициозный, с точки зрения экспансии национальной территории, проект строительства имперской нации осуществлялся в Российской империи. Он включал в себя последовательное присвоение огромных пространств на окраинах империи как национальной территории — Поволжья, Новороссии, Северного Кавказа, Сибири. Миграционные процессы охватывали миллионы людей не только в столыпинскую эпоху, но уже во вторую половину XVIII в.¹⁶ Проект русской нации включал в её состав, наряду с великороссами, белорусов и малоросов, а также некоторые другие этнические группы.

В последние годы довольно много внимания уделялось обсуждению причин и механизмов неудачи при реализации проекта строительства триединой русской нации¹⁷. Но следует учитывать и тот факт, что огромные пространства, которые ещё в начале XIX в. не воспринимались как часть русской национальной территории, стали таковыми (Поволжье, Кубань и Ставропольский край, Сибирь). Это происходило в результате комплекса процессов — демографической оккупации, топографического освоения территории, индустриализации, урбанизации, создания транспортной инфраструктуры, прессы, образовательной системы и как следствие — аккультурации и ассимиляции¹⁸. И всё это — часть модернизации. В национальных нарративах данные процессы маргинализуются, непредопределённость хода формирования национальных идентичностей всячески затушёвывается, в итоге «пробуждение наций» на окраинах становится главным содержанием развития модернизации, что, безусловно, неоправданно упрощает картину.

¹³ Процесс превращения знаменитого «гексагона» во Францию, а населения Лангедока, Прованса и Бретани — во французов прекрасно описал Ю. Вебер (*Weber E. Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870–1914. Stanford (Calif.), 1992*). Строительство британской нации описано Л. Колли (*Colley L. Britons: forging the nation, 1707–1837. L., 1994*).

¹⁴ *Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, 1983. P. 1.*

¹⁵ См. подробнее: *Nationalizing Empires / Eds. S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y., 2015*. В этой книге отдельные главы посвящены процессам строительства имперских наций в Германии, Франции, Британии, России, Испании, Австро-Венгрии, Османской империи. Такая система координат для сравнения даёт более интересные и многомерные результаты, чем традиционный нарратив «отстающей России», который сосредоточен на перечислении того, чего ей «не хватало», чтобы стать «нормальной» (см. также: *Миллер А. Империя и нация в «долгом девятнадцатом веке» // Всемирная история. Т. 5. М., 2014. С. 246–263*).

¹⁶ См.: *Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 23–25.*

¹⁷ См.: *Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013.*

¹⁸ *Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Изд. 2. М., 2008.*

Определение XIX в. как столетия «империи и национализма» оказывается очень точным, причём империи выступают как сила, не только подавляющая или ограничивающая периферийные национализмы, но и использующая имперский национализм, а иногда и периферийные национализмы, для решения именно имперских задач и экспериментирующая в институциональном сочетании имперских принципов и национализма. То же можно сказать и о Японии эпохи Мэйдзи, которая, заимствуя образцы из европейских империй, в том числе из России, строила новое государство, формировала культ императора как олицетворения нации и имперской миссии¹⁹.

Когда президент США В. Вильсон в январе 1918 г. представлял Конгрессу известные «14 пунктов», он совершенно не считал нацию-государство нормативной формой политической организации и обсуждал в тезисах 6, 10, 12 формы сохранения Российской, Австро-Венгерской и даже Османской империй. А Вильсона трудно заподозрить в слепой приверженности ценностям династических империй Европы.

Американский исследователь Ф. Купер предложил использовать понятие «empire-state» («империя-государство»), чтобы преодолеть порочную традицию связывать модерную государственность только с нациями-государствами. В сценарии строительства имперских наций вместо нации-государства, консолидирующего нацию, мы имеем дело с империей-государством, которое строит нацию в своей метрополии (но совсем не обязательно нацию-государство) и стремится сочетать проекты имперский и национальный. Также необходимо внимательно изучить эволюцию той системы понятий и идей, которые использовались в России для обсуждения темы «Нации, империи, государства». Это часть процессов модернизации идейной сферы, и они выглядели намного сложнее, чем однонаправленное усвоение западных идей, в том числе потому что западническая ориентация России, начиная, как минимум, с Н.Я. Данилевского интенсивно оспаривалась. Причём среди «анти-западников» были фигуры колоссального масштаба, такие как Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев²⁰.

Одна из ключевых задач современной историографии XIX в. состоит в том, чтобы уделить должное внимание взаимосвязи имперского и национального и окончательно избавиться от телеологии национальных нарративов, безраздельно доминировавших в XIX – первой половине XX в. О важности данной тематики свидетельствует список (наверняка неполный) изданных лишь в 2017 г. у нас и за границей трудов, авторы которых пытаются предложить именно большие нарративы империи и нации в истории России. Эта задача не вполне успешно решается авторами, и только К. Кумар, на мой взгляд, делает ряд важных шагов в верном направлении. В его сравнении России, Австро-Венгрии, Османской империи, Британии и Франции российский опыт отнюдь не описывается как череда модернизационных неудач²¹.

¹⁹ См.: *Fujitani T.* Splendid Monarchy: power and pageantry in modern Japan. Oakland, 1996.

²⁰ См.: *Нойманн И.* Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; *Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И.* «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. В 2 т. М., 2012.

²¹ *Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017; *Kollmann N.Sh.* The Russian Empire, 1450–1801. Oxford, 2017; *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's Empires. Oxford, 2017; *Plokhy S.* Lost Kingdom: The Quest for Empire and the Making of the Russian Nation, from 1470 to the Present. N.Y., 2017; *Kumar K.* Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton, 2017.

Завершается статья Мироненко на оптимистической ноте: «Так что же, наша страна обречена то двигаться вперёд, то опять возвращаться назад? Неужели все уроки, полученные за несколько столетий, и все принесённые жертвы напрасны? Думаю, дело не столь безнадежно, вектор движения России ясно определен — идти в ногу со всем цивилизованным миром». Я же считаю, что история очень строга и предоставляет некоторые возможности лишь единожды. В начале XX в. у России был шанс стать лидирующей мировой державой. Отчасти его «отняла» Первая мировая война, но прежде всего революция 1917 г. При этом процессы обрушения государства были запущены уже в феврале, а осенью они переросли в цивилизационную катастрофу. Открывая двери в определённый «коридор» с принципиально новыми возможностями и обстоятельствами, революция одновременно закрыла двери в другие «коридоры», куда страна могла войти, если бы революционные события развивались по-иному. Именно в начале XX в. во всех областях жизни России был накоплен потенциал, позволявший в течение ближайших десятилетий рассчитывать на её ускоренное развитие (экономическое «чудо»). Речь идёт о промышленном росте, трансформации сельского хозяйства, развитии инфраструктуры, инновационном потенциале науки и инженерной мысли. Впечатляют как значительный рост российских высших учебных заведений и обучавшихся в них студентов, так и тот факт, что накануне войны страна вплотную подошла к введению всеобщего начального обучения. Эта ситуация возникла не в результате бесконечного цикла реформаторских попыток и срывов, но явилась следствием накопления качественных изменений в результате длительного ряда преобразований, кульминацией которых стали реформы П.А. Столыпина. Важно подчеркнуть, что и после его гибели эти тенденции сохранились.

У современной России нет, на мой взгляд, шансов стать такой лидирующей в глобальном измерении державой, в какую она могла превратиться в начале XX в. Впрочем, это не означает, что современные россияне не могут быть благополучны и «стремиться к счастью». Но рецепты предстоит искать на неизведанных путях. Мы находимся сегодня в той точке, когда уже вполне определённо можно говорить о постевропейской России. Период вековой длительности, когда размышления русских о будущем неизбежно были сфокусированы на Европе, сегодня подошёл к концу. Она (и даже Запад в целом) уже не является тем мировым гегемоном, каким была во времена имперской России. Общая с Европой повестка дня, которая так вдохновляла россиян во времена перестройки, теперь, увы, сошла на нет. Вектор движения страны вовсе не предопределён. Собственно, и вектор глобального развития сегодня совершенно не ясен²². В этой ситуации, на мой взгляд, прошлое уже не выглядит столь однозначно детерминированным либеральной перспективой. Это, помимо прочего, открывает новые возможности для плодотворной дискуссии учёных о понимании истории России.

²² См. подробнее: *Миллер А., Лукьянов Ф.* Отстранённость вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности. М., 2016 (URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf).